

— Это Тан Син, родственник из боковой ветви Клана Танмэнь, — тихо произнёс Ли Цзюньянь.

Е Чанцзянь не обратил внимания на Тан Сина, подошел к Тан Ханьюю и спокойно сказал:

— Тан Ханьюй, я раньше думал, что ты мелкий пакостник, и с тобой не стоило связываться. Но теперь я понял, что ошибался.

Таких наглых щенков, как Тан Ханьюй, нужно хорошенько проучить.

Тан Ханьюй усмехнулся:

— Гу Няньцин, это Далёкие Облака и Воды. Что ты собираешься делать?

Е Чанцзянь спокойно ответил:

— Хоть это и Далёкие Облака и Воды, но даже в Клане Танмэнь из Гусу, если ты посмеешь обидеть Янь Уюя, будь готов заплатить за это.

С этими словами он быстро схватил деревянный табурет и ударил им Тан Ханьюя.

Бах!

Тан Ханьюй отлетел назад, ударившись о стену, с которой посыпалась штукатурка.

Е Чанцзянь, держа табурет, с улыбкой подошел к нему:

— Тан Ханьюй, сегодня я бесплатно проведу для тебя урок. Что такое «язык мой — враг мой» и что такое «сильный обижает слабого»!

Тан Син закричал на остальных учеников:

— Вы чего стоите? Бейте его!

Янь Уюй подошел к Тан Сину и с невозмутимым видом посмотрел на него.

Тан Син, пытаясь казаться грозным, спросил:

— Что ты собираешься делать?

Янь Уюй по-детски улыбнулся и резко ударил ногой, сбив Тан Сина на пол.

Несчетное количество ударов обрушилось на тело Тан Сина. Е Чанцзянь, продолжая избивать Тан Ханьюя, крикнул:

— Не бейте по лицу, на лице сразу видно, бейте по самым мягким местам.

Примерно через пятнадцать минут в комнате остались стоять только Е Чанцзянь, Янь Уюй и Ли Цзюньянь.

Е Чанцзянь схватил Тан Ханьюя за воротник и с улыбкой сказал:

— Тан Ханьюй, если старейшины спросят, скажи, что ты сам упал, понял?

Тан Ханьюй, с синяками и ссадинами на лице, уставился на него.

Е Чанцзянь бросил его на пол и равнодушно оглядел комнату:

— Хорошо, кто разбил тушечницу Янь Уюя?

В комнате воцарилась тишина.

Он тихо рассмеялся:

— Если не скажете, я переломаю вам ноги.

Один из учеников дрожащим пальцем указал на Тан Сина.

Е Чанцзянь подошел к избитому до неузнаваемости Тан Сину и сказал Янь Уюю:

— Я же говорил не бить по лицу.

Янь Уюй по-детски улыбнулся:

— Не сдержался.

Е Чанцзянь присел на корточки:

— Господин Тан Син, извинись перед Янь Уюем.

— Если не извинишься, можешь пойти и пожаловаться, расскажи своим старейшинам и патриарху, что это я тебя избил. Но не забудь объяснить, за что.

Но как они могли быть настолько бесстыдными?

Клан Меча Танмэнь был справедлив и не терпел нарушителей правил.

Но члены Клана Меча Танмэнь были гордыми, и заставить их извиниться было труднее, чем подняться на небо.

Е Чанцзянь уже собирался продолжить избиение, но его остановили.

Он обернулся и увидел, что Тан Цзянли держит его за руку, спокойно глядя на него.

Шум в их комнате был настолько громким, что проходившие мимо ученики доложили Тан Цзянли.

Слезы и сопли хлынули из глаз Тан Сина, и он захныкал:

— Старший брат, они слишком жестоки, у-у-у...

Е Чанцзянь мысленно поморщился. Нежелание извиняться хоть как-то показывало его характер, но почему он заплакал при виде Тан Цзянли? И плачет так некрасиво.

Он бросил табурет и оттолкнул Тан Цзянли:

— Я один во всем виноват, они ни при чем.

Тан Син поспешно закричал:

— Все трое участвовали!

Ли Цзюньянь, который все это время стоял в оцепенении, молча подошел и пнул Тан Сина в угол, прямо сказав:

— Теперь все участвовали!

Тан Цзянли только спросил:

— Почему подрались?

Е Чанцзянь усмехнулся:

— Просто они мне не понравились.

Тан Цзянли снова посмотрел на него, затем повернулся к Ли Цзюньяню:

— Почему подрались?

Ли Цзюньянь честно ответил:

— Они разбили тушечницу, которую мать Лу Яо подарила ему, и испортили его бумагу и кисти.

Е Чанцзянь слышал от Ли Цзюньяня, что мать Янь Уюя умерла рано.

Он подошел к Тан Сину и снова сильно пнул его.

Тан Син выплюнул кровь и потерял сознание.

Тан Цзянли спокойно сказал:

— Гу Няньцин, Ли Цзюньянь, Янь Уюй, за драку наедине — три дня в запретной комнате, без еды.

Он повернулся к стоящему позади ученику и сказал:

— Позови учеников из Медицинской Секты Тушань, а тех учеников Клана Меча, кто не сильно пострадал, накажите тридцатью ударами бамбуковой палки. Тех, кто пострадал сильнее, накажите после выздоровления.

Ученик кивнул и поспешил убежал.

Ученик, отвечающий за наказания, подошел к Е Чанцзяню и другим:

— Идемте.

Трое последовали за ним, вышли из заднего двора Клана Меча, прошли через извилистые коридоры, мимо нескольких маленьких дворов и добрались до комнаты для наказаний.

Ученик открыл дверь и жестом пригласил их войти.

Когда последний вошел, ученик закрыл дверь и запер ее снаружи.

Е Чанцзянь осмотрел комнату. На стенах были выгравированы строки из «Дао Дэ Цзин», на полу лежало несколько подушек для медитации, а на столах лежали бумага и кисти — видимо, для переписывания сутр.

Над их головами было небольшое вентиляционное отверстие, через которое не пролезла бы даже голова. В остальном комната не имела окон.

Он подтолкнул Ли Цзюньяня и Янь Уюя к подушкам:

— Чего стоите? Садитесь.

Е Чанцзянь сел, скрестив ноги, оперся локтем на колено и подпер голову рукой.

Он все еще был слишком импульсивен. В конце концов, Тан Ханьюй и другие были избалованными мальчишками, и они не могли выдержать такого избиения.

Но он не ожидал, что Тан Цзянли не выгонит их из Далёких Облаков и Вод.

В запретной комнате не было печки и одеял, и трое сбились в кучу, чтобы согреться.

Сначала все было терпимо, но к полуночи стало холодно и голодно, и Е Чанцзянь уже готов был использовать Искусство Управления Огнем, чтобы сжечь эту комнату.

Он уже думал об этом, когда услышал шорох над головой.

Ли Цзюньянь понюхал воздух:

— Что это за запах?

Е Чанцзянь сказал:

— Похоже на жареную курицу.

Янь Уюй ответил:

— Ты голодный, и у тебя галлюцинации?

Ли Цзюньянь сказал:

— У меня, кажется, тоже галлюцинации. Как будто курица упала с потолка.

С глухим стуком жареная курица упала на колени Е Чанцзяня.

Е Чанцзянь замер.

Трое подняли головы и посмотрели на вентиляционное отверстие. Через некоторое время оттуда упали еще две жареные курицы и несколько пирожков с мясом.

Е Чанцзянь сказал:

— Сухо. Есть вода?

Сверху наступила тишина, а через некоторое время снова раздался шорох. С глухим стуком упали три яблока.

Человек, который бросил их, ушел. Вентиляционное отверстие было слишком маленьким, чтобы разглядеть его лицо, но можно было увидеть уголок сине-белой одежды.

Е Чанцзянь почесал подбородок:

— Может, какая-то ученица влюбилась в мою красоту?

Ли Цзюньянь сказал:

— Да брось, может, Лу Яо рисовал для них, и какая-то ученица влюбилась в него.

Е Чанцзянь сказал:

— Ладно, не будем об этом. Давайте есть!

Е Чанцзянь схватил жареную курицу и с яростью откусил кусок, представляя, что это плоть кого-то другого, и быстро проглотил.

Насытившись, трое сели спиной к спине и рассказывали забавные истории из детства.

Из троих только у Ли Цзюньяня были живы родители, и, судя по его словам, они не были такими равнодушными, как говорили другие, скорее, они были разочарованы, что он не оправдывает их ожиданий.

Они болтали, иногда смеялись и шутили, пока постепенно не заснули.

Е Чанцзянь снова увидел во сне прошлую Ночную переправу под звон ветра.

Через несколько дней после того, как он заступился за Дунфан Чжисю, Старец с лодкой на дикой переправе вернулся из путешествия. Оказалось, что местные секты совершенствования пожаловались Секте Сердца Юньшань, а патриарх Секты Сердца выразил свое недовольство Старцу.

Старец тут же отбрил патриарха Секты Сердца, назвав это «нормальным состязанием в магии».

Но первое, что он сделал по возвращении в Ночную переправу под звон ветра, — это отругал Е Чанцзяня перед всеми младшими братьями.

Юй Хуни нахмурилась и громко сказала:

— Отец, это те невежды первыми обидели третьего брата!

Старец сердито посмотрел на нее:

— Ты еще и оправдываешься?

Юй Хуни надула губы и замолчала.

Шэнь Моцин сказал:

— Учитель, это не вина старшего брата.

Старец указал на Шэнь Моцина:

— Твой старший брат и младшая сестра всегда были вспыльчивыми, почему ты и Янь Учан их не остановили, позволив им бесчинствовать?

— Вы еще и самого младшего, Бай Есиня, втянули в это, все уже освоили Искусство

Управления Громом, да? — С этими словами он махнул рукавом и с досадой вздохнул.

Е Чанцзянь опустил голову, смиренно принимая наставления.

Он уже много лет знал характер Старца с лодкой на дикой переправе — чем больше с ним споришь, тем больше он ругается.

<http://bllate.org/book/16478/1496676>